

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

Сборник трудов памяти Н. И. Харужиева

ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ
Сборник трудов
памяти Н. И. Харджиева

Составление и общая редакция
М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

ББК 83.3
П 67

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проекты 98-04-16079

П 67

Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабянова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 848 с.: ил. – (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0074-2

Сборник «Поэзия и живопись», посвященный памяти скончавшегося в 1996 году Н. И. Харджиева, виднейшего специалиста в области русского авангарда, составлен работами лучших русских и зарубежных ученых, работающих в этой области. Структура сборника отражает разносторонность Н. И. Харджиева, сочетавшего интерес к художественному авангарду с уникальной компетентностью в историко-литературной области.

Вслед за небольшим мемориальным разделом, книга открывается серией статей, относящихся к истории и теории художественного авангарда, творчеству Казимира Малевича и его учеников. Историко-литературный раздел включает статьи, посвященные Хлебникову и Маяковскому, в изучение творчества которых Н. И. Харджиев внес огромный вклад, другим поэтам-футуристам, ряду литературных течений и представляющим их поэтам и писателям.

ББК 83.3

В оформлении обложки использована картина Любови Поповой «Живописная архитектоника. Черное, красное, серое». 1916.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0074-2

- © Составление и редакция. М. Б. Мейлах, Д. В. Сарабянов, 2000
- © Авторы, 2000
- © Издательство «Языки русской культуры», 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Михаил Мейлах</i>	
О сборнике памяти Николая Ивановича Харджиева	13

Раздел I. Памяти Николая Ивановича Харджиева

<i>В. П. Григорьев</i>	
Промер	21
<i>Вадим Козовой</i>	
Тайная ось	29
<i>В. С. Баевский</i>	
Два мгновенья из молодости Н. И. Харджиева	34
<i>Э. Г. Бабаев</i>	
Рассказы без легенды	36
<i>Р. В. Дуганов</i>	
Из воспоминаний о Н. И. Х.	42
<i>Михаил Мейлах</i>	
«Человек, очень сродный поэзии...» Из разговоров с Н. И. Харджиевым	43
<i>Геннадий Айги</i>	
Стихи разных лет (1965—1985)	59
<i>Олег Прокофьев</i>	
Музыка.	63
<i>Михаил Еремин</i>	
Стихотворения	64
<i>Николай Кононов</i>	
Стихотворения	66
<i>Анатолий Найман</i>	
Стихотворения	68
<i>Владимир Эрль</i>	
Стихотворения	70

Раздел II. К истории художественного авангарда

<i>Нильс Оке Нильссон</i>	
Архаизм и модернизм	75
<i>Д. В. Сарабьянов</i>	
К ограничению понятия «авангард».	83

<i>Нина Гурьянова</i>	
Эстетика анархии в теории раннего русского авангарда	92
<i>А. В. Крусанов</i>	
Самозванное искусство	109
<i>Н. Б. Автономова</i>	
Кандинский и художественная жизнь России начала 1910-х годов	120
<i>И. Н. Карасик</i>	
Манифест в культуре русского авангарда	129
<i>Татьяна Горячева</i>	
Иконология кубофутуризма	139
<i>Н. Л. Адашкина</i>	
Закат авангарда в России	148
<i>Анджей Дравич</i>	
Польско-русские воспоминания об авангарде	159

Раздел III. Казимир Малевич

<i>И. Маркадэ</i>	
Малевич и православная иконография	167
<i>И. А. Вакар</i>	
«Красные крыши». К вопросу о хронологии импрессионистических произведений К. С. Малевича	174
<i>Е. В. Баснер</i>	
Вокруг «Цветочницы» Малевича	186
<i>Г. Демосфенова</i>	
Понятийный словарь теоретических текстов К. С. Малевича (проблемы исследования)	195
<i>Д. Е. Горбачев</i>	
Киевский треугольник Малевича (Пимоненко — Бойчук — Богомазов)	203
<i>А. Д. Сарабьянов</i>	
Малевич и Татлин (Художник и модель)	213
<i>Моймир Григар</i>	
Мировоззрение Малевича: противоречивость и целостность	225

Раздел IV. Художники. Живопись

<i>Александр Флакер</i>	
Ослиный хвост. Об одном самоименовании.	241

<i>Джон Боулт</i>	
Наталья Гончарова и футуристический театр	248
<i>А. С. Шатских</i>	
«Благословен будь, мой Витебск».	
Иерусалим как прообраз шагаловского Города	260
<i>Е. Ф. Ковтун</i>	
«Тайная пружина». Павел Мансуров и организация ГИНХУКа	269

Раздел V. По зия и живопись

<i>Ю. Молок</i>	
Ахматова и Мандельштам (К биографии ранних портретов)	289
<i>Р. Милнер-Гулланд</i>	
Поэт и художник (По поводу стихотворения В. Хлебникова «Татлин, тайновидец лопастей...»)	302
<i>Е. Бобринская</i>	
Слово и изображение у Е. Гуро и А. Крученых	309
<i>Зоя Эндер</i>	
Борис Эндер. Дневники 1921-го года	323

Раздел VI. Хлебников. Маяковский

<i>Х. Баран</i>	
Заметки о текстах Хлебникова:	
1. Об одной азбуке	341
2. Поэт и календарь	344
<i>О. Седакова</i>	
Этнографический комментарий к одной строфе Хлебникова	352
<i>Р. Вроон</i>	
О семантике гласных в поэтике Велимира Хлебникова	357
<i>Сергей Сигей</i>	
Пьесы Велимира Хлебникова (некоторые наблюдения)	369
<i>В. Н. Топоров</i>	
Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник (внутренний и внешний контексты)	380
<i>Вячеслав Вс. Иванов</i>	
Маяковский, Ницше и Аполлинер	424
<i>Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер</i>	
«Одинокий лицедей» Велимира Хлебникова	426

<i>Лев Лосев</i>	
М О Я ковский	431
<i>М. Йованович</i>	
Полилог о Конце: Блок — Маяковский — Лунц.	441
<i>В. В. Катанян</i>	
«Твой донельзя Рома» (Роман Якобсон и Л. Ю. Брик).	455
<i>М. Шапир</i>	
Об одном анаграмматическом стихотворении Хлебникова: К реконструкции «московского мифа»	460

Раздел VII. Вокруг футуризма

<i>Габриэла Импости</i>	
Роль звукоподражания в поэтике итальянского и русского футуризма. Маринетти, Крученых и Хлебников.	469
<i>Луиджи Магаротто</i>	
«Типографская революция» итальянского футуризма и художественная деятельность В. Каменского и И. Зданевича	480
<i>Э. Кузнецов</i>	
Футуристы и книжное искусство	489
<i>Анна Юнгрен</i>	
«Песни города» Елены Гуро: варианты текста и проблема жанра	504
<i>Роман Тименчик</i>	
Гумилев — футурист?	509
<i>Т. Никольская</i>	
Рецепция футуризма в Грузии (Предварительные заметки)	512
<i>Режис Гейро</i>	
Доклад Ильи Зданевича «Илиада» (Париж, 12 мая 1922 г.)	518
<i>Владимир Марков</i>	
Экспрессионизм в России.	541
<i>Г. А. Морев</i>	
К истории русского авангарда: Статья А. Туфанова «Новый эго-футуризм»	557
<i>А. д'Амелия</i>	
Стеклоанный город в утопиях авангарда	565

Раздел VIII. ОБЭРИУ, ОБЭРИУТЫ

<i>Ф. Успенский, Ел. Бабаева</i>	
Фирма рифмы (о некоторых способах рифмовки в ранних произведениях А. Введенского)	583

<i>Б. М. Констриктор</i>	
«Вбегает Мертвый Господин»	
(О поэме Введенского «Кругом возможно Бог»)	590
<i>Юлия Гирба</i>	
«Движение — неизвестного путешественника».	
Тело, жест и пластика в поэтике театра ОБЭРИУ.	604
<i>Нийл Корнуэл</i>	
Черты Даниила Хармса	619
<i>Р. М. Янгиров</i>	
Даниил Хармс «лицом к национальностям».	
О неосуществленном издании стихотворения «Миллион»	629

Раздел IX. Осип Мандельштам

<i>О. Обухова</i>	
Овладение пространством. Раннее творчество О. Мандельштама	
с точки зрения пространственных отношений	635
<i>С. Г. Шиндин</i>	
К интерпретации стихотворения Мандельштама	
«Сохрани мою речь навсегда»	640
<i>Стефано Гардзонио</i>	
О переводных «Неаполитанских песенках» Осипа Мандельштама	651
<i>Х. Бирнбаум</i>	
Параллели и контрасты, следы и отголоски:	
новое о Мандельштаме и Целане	656

Раздел X. Модернизм

<i>Н. А. Богомолов</i>	
Заметки о русском модернизме	669
<i>П. В. Дмитриев</i>	
Две записи М. Кузмина в альбоме Л. И. Жевержеева	677
<i>А. Г. Тимофеев</i>	
Митя Кузмин и царевич Димитрий.	
Из комментариев к стихотворениям М. Кузмина	680
<i>М. Л. Гаспаров</i>	
Академический авангардизм:	
Валерий Брюсов «На рынке белых бредов»	684

<i>С. В. Полякова</i>	
Два этюда о Клюеве	694
<i>О. Г. Ревзина</i>	
Поэтический мир М. Цветаевой 30-х гг.: поэма «Автобус»	703
<i>Богдан Косанович</i>	
Текст, подтекст и интертекст	
«Беспредметной юности» Андрея Николаева	717
<i>К. Ю. Постоуенко</i>	
Анна Ахматова и Георгий Шенгели (к истории взаимоотношений)	727
<i>Г. А. Левинтон</i>	
Из черновиков А. Ривина	736
<i>М. Бетей</i>	
Изгнание, элегия и Оден в «Стихах на смерть Т. С. Элиота» Бродского	748

Раздел XI. Прозанки

<i>Ю. К. Щеглов</i>	
Мотивы инициации и потустороннего мира в «Конармии» Бабея	769
<i>М. Евзлин</i>	
Функция куклы и мотив «ложного подобия»	
в повести Ю. Олеси «Три толстяка»	790
<i>О. В. Шиндина</i>	
Некоторые аспекты растительной символики	
в романе Вагинова «Козлиная песнь».	803
<i>Елена Толстая</i>	
«Мастер» и «Вторая симфония».	
К становлению «московского текста» в новой русской литературе	813
<i>М. Вайскопф</i>	
Булгаков и Загоскин: О мистико-охранительной традиции	
в «Мастере и Маргарите».	817
<i>А. К. Жолковский</i>	
Eccolà! Заметки о некоторых подтекстах Зоценко.	821
<i>Игорь П. Смирнов</i>	
«...Загробный гул корней и лон», или Радикальный выбор.	835
Список иллюстраций	843

О сборнике памяти Николая Ивановича Харджиева

Вамысел предлагаемого сборника возник в январе 1994-го года. В Москве проходила конференция по русскому авангарду, собравшая довольно представительное интернациональное сообщество, и в этом пестром многолюдстве особенно заметно было отсутствие всеми признанного патриарха — Николая Ивановича Харджиева, ссылки на которого содержались едва ли не в каждом докладе; сам же он, хотя и жил на расстоянии нескольких остановок метро от Третьяковской галереи, где проходили заседания, никогда на подобных собраниях не присутствовал. На заключительном банкете Д. В. Сарабьянов предложил тост за Николая Ивановича, а очень скоро после этого мы уже говорили с владелицей издательства «Радикс» Е. Турнянской о перспективах издания сборника в честь его приближающегося девяностолетия. Некоторые участники были приглашены тут же на месте, с другими возникла переписка. Некоторое время спустя мы уже располагали весьма объемистым собранием статей русских, европейских и американских ученых на темы, которые могли быть интересны юбиляру. Редактуру статей, посвященных изобразительному искусству, взял на себя Д. В. Сарабьянов, остальных — автор этих строк; помощь в этом нелегком деле им оказали Ю. Арпишкин, И. Л. Пивоварова и В. С. Баевский. Сборник был подготовлен к печати, но перестроечный кризис в сочетании с трудностями самого издательства затянули процесс на четыре года: «Радикс» и не отказывался от издания и не издавал его, — его осуществило в конце концов издательство «Языки русской культуры». Затянувшиеся сроки принесли немало осложнений: иных участников уж нет, некоторые напечатали свои статьи в других изданиях, чьи-то статьи исчезли из компьютера, не говоря уже о том, что, начав в буквальном смысле «за здравие», мы кончили «за упокой» — сборник в честь юбиляра превратился в том, посвященный памяти покойного ученого.

Том этот, по мере формирования, несколько раз менял очертания. В конце концов полученные статьи были сгруппированы в одиннадцать тематических разделах. Вступлением к сборнику служат несколько эссе о Н. И. Харджиеве — о его творчестве, его личности и о той уникальной роли, какую он сыграл в изуче-

нии русского авангарда; эти эссе дополнены воспоминаниями нескольких людей, хорошо знавших Николая Ивановича. Здесь же — небольшое поэтическое приношение, составленное стихами, опять-таки, поэтов, которые были связаны с Николаем Ивановичем, либо тех, кто, как нам представляется, воплотил в своем творчестве те или иные черты авангардной поэтики.

Собственно научная часть сборника открывается разделом, куда вошли работы, посвященные теории и истории художественного авангарда. В отдельный раздел вынесены статьи, посвященные Малевичу, — не только в силу того места, какое этот художник занимает в истории искусства, но и вследствие особой роли, которую он сыграл в жизни и творчестве Харджиева. Еще один раздел составлен группой статей, посвященных тем или иным направлениям художественного авангарда либо отдельным художникам. Далее закономерно следуют статьи, посвященные ключевой харджиевской теме, обозначенной названием одной из его кардинальных работ — «Поэзия и живопись» (об этом подробнее — ниже); отдельно, опять-таки, выделены статьи о наиболее ценимых и наиболее проработанных Харджиевым поэтах — Хлебникове и Маяковском, что подводит нас к следующей теме — «Вокруг футуризма» (книжное искусство футуристов; международные — итальянские и грузинские — параллели и связи; эгофутуризм, экспрессионизм и др.).

Следующие затем разделы посвящены литературным направлениям, так или иначе примыкающим к футуризму, — обэриутам, с которыми Харджиев был связан дружбой, и, в самом широком смысле, модернистам — предшественникам, современникам и последователям авангардных течений. Закрывает сборник группа статей, тема которых — русская проза 20-х — 30-х годов.

Воспользуемся же возможностью «от себя» добавить несколько слов.

Харджиев принадлежал к числу людей, чья культурная роль не сводится к сумме написанных страниц, хотя и написал он немало: трудно даже сказать, что из сделанного им важнее — осуществленные ли издания (ранние тома собрания сочинений Маяковского, «Неизданный Хлебников», Мандельштам в «Библиотеке поэта»); или книги — «Поэтическая культура Маяковского», куда также вошли статьи, написанные им с его многолетним соавтором В. Трениным, и сборник «К истории русского авангарда»; или же множество коротких, блестяще написанных, сверхнасыщенных статей-заметок на темы поэзии и искусства (а в молодости он еще написал книгу о художнике Павле Федотове, недавно переизданную в Италии, и несколько повестей). Но два труда, которых никто уже никогда не сможет создать, как создал бы их он, остались неисполненными: это полное издание Хлебникова и исчерпывающая история русского авангарда. Помимо причин общего порядка — большая часть жизни Николая Ивановича проходила, пользуясь его словом, в «драконовские годы», когда авангардом, да и то революции, мог

быть только рабочий класс,—тому препятствовали и обстоятельства, о которых не место сейчас говорить. За тридцать лет ничем не омраченной дружбы у меня было множество случаев убедиться в том, что написанное Николаем Ивановичем, пользуясь малооригинальным, но точным сравнением, так относится к его знаниям, как верхушка айсберга к его подводной части. Я, однако, убежден, что целые культурные пласты Харджиев формировал своим живым присутствием в роли блистательного собеседника. Его феноменальная осведомленность, помноженная на тем большую чуткость к поэтическому слову и восприимчивость к искусству, каждую с ним беседу превращали в событие, а «левизна» материала, которым он занимался всю свою жизнь, накладывала восхитительный отпечаток на его язык и манеру выражения.

Постоянно оказывалось, что Харджиев так или иначе связан с «людьми и положениями», которые интересовали меня или были мне дороги и которые причудливо перекрещивались в его личности. Кажется, из уст Ахматовой, с которой его с тридцатых годов связывала нежная дружба, я впервые услышал, совсем еще юным, его имя: когда я прочитал ей «Элегию» Введенского, незадолго до того мною найденную, оказалось, что она слышала ее от Харджиева еще до войны. Тогда же я увидел у Бродского харджиевского «Неизданного Хлебникова» с надписью Н. Н. Пунину—эту книгу, чудом вышедшую в том же 1940 году, что и «Шестикнижие» Ахматовой, та послала ему в ссылку. А много позже, когда я готовил издание стихов Ахматовой, Николай Иванович дал мне листок цветной бумаги, на котором ее рукой были выведены дотопе неизвестные строки:

...Оттого, что мы все пойдем
По Таганцевке, по Есенинке,
Иль большим маяковским путем.

Николая Ивановича знали и ценили Бурлюк, который, приехав из Америки в Москву, написал два его портрета (голова, растущая из песка на морском берегу), и Роман Якобсон, при мне объявивший Николаю Ивановичу о разрыве со злоупотребившим доверием последнего шведским славистом; легкомысленная Алиса Порет и серьезнейшая Юдина, а еще раньше, уже не на моей памяти—Малевич, написавший по его просьбе воспоминания о своей юности, и Матюшин; Хармс, подаривший ему сценический экземпляр пьесы «Елизавета Бам» с собственноручными режиссерскими пометками и писавший ему прелестные письма, и Введенский, которому, наоборот, незадолго до войны Николай Иванович отдал его ранние стихи—они сохранились в так называемой «корзине ЛЕ-Фа», а потом у Харджиева, лишь затем, чтобы сгинуть вместе с уничтоженным поэтом; Пастернак, Цветаева, Мандельштам, как известно, считавший, что у Харджиева «абсолютный слух на стихи». Памятуя это, а также годы дружбы, скреплен-

ной тяжелейшими испытаниями, Н. Я. Мандельштам настояла, чтобы Николай Иванович подготовил посмертное издание поэта. Текстологические несогласия привели, однако, к такому накалу страстей, что мстительная Надежда Яковлевна устно и письменно обвинила Харджиева во всех смертных грехах — этого он ей не простил никогда. Отчасти из-за разразившегося скандала научное значение издания осталось недооцененным; ирония же судьбы состояла в том, что Харджиев согласился быть редактором этого тома именно из дружбы: про Мандельштама, чьи стихи он, впрочем, великолепно «слышал» и понимал, он говорил: «не мой поэт» (то же самое он, кстати, говорил и Ахматовой про ее поэзию, и той это чрезвычайно нравилось). Ибо его поэтом был один-единственный — Хлебников, а его искусством — русский авангард XX века, который он знал, как никто. Обширная вступительная глава к изданной в 1976 году в Стокгольме книге Харджиева «К истории русского авангарда» носит уже упоминавшееся выше название «Поэзия и живопись»: по мысли Николая Ивановича, истоки русского поэтического авангарда надо искать в изобразительном искусстве. Это название мы заимствовали для предлежащего сборника, а также для одного из его тематических разделов.

С середины шестидесятых годов в каждый свой московский приезд я по несколько раз навещал Николая Ивановича — поначалу в его квартире на Кропоткинской, где стены были увешаны картинами Матюшина, Поповой и Розановой, рисунками Чекрыгина и Ларионова, а над дверью висел «Красный квадрат» Малевича. Всего этого Харджиев лишился в середине 70-х годов в процессе истории, которую он потом называл «кражей века». Эту квартиру с опустевшими стенами он, когда давно угрожавший ремонт стал неминуем, обменял на другую, неподалеку от Новодевичьего монастыря, откуда, воссоединившись со своей старинной спутницей Л. В. Чагой, переехал в свой последний московский дом неподалеку от предыдущего. В 70-е годы Николай Иванович дважды гостил у меня в Петербурге, и мы ходили на выставку его любимейшего Ларионова, потом — в запасники под крышей Русского музея, где хранилась часть коллекции русского авангарда; несколько картин после его посещения пришлось перевешивать — оказалось, они висели «вниз головой»... Особым удовольствием для меня всегда было смотреть вместе с Николаем Ивановичем альбомы художников и каталоги выставок, которые он беспощадно комментировал: «ничего не понимают!» — «чудовищно!» — «стилизаторша кубизма...» — «а этот как сюда попал?..» А когда в 1987 году я вернулся из заключения, Николай Иванович сделал мне царский подарок, вручив небольшое, но изысканное собрание европейских гравюр.

Между тем, в то самое время, как задумывался настоящий сборник, сам Харджиев под давлением Л. В. Чаги уже приступал к осуществлению иного проекта, а именно — своего переезда на Запад. Не будем останавливаться на этой теме, уже разработанной в статьях и книгах журналистами разной степени желтиз-

ны,— заметим лишь, что приблизительно за год до отъезда в Амстердам осенью 1993 года Харджиев, к нашему общему несчастью, был лишен общения со старыми друзьями, которых Чага перестала к нему допускать. В результате этого переезда, чрезвычайно плохо организованного, Николай Иванович утратил значительную часть своего ценнейшего архива, осевшего на московской таможене и немедленно захваченного алчными ревнителями национализации частных писем, личных рукописей и картин, спасенных им в «драконовские годы» от заведомого уничтожения.

В следующий раз мы встретились с Николаем Ивановичем лишь в июне 1995 года, когда я смог навестить его в Амстердаме. Впервые за десятилетия, что я его знал, изменился облик, в котором, может быть, благодаря седой бороде, проступали восточные черты патриарха, сам же он не изменился ничуть, и если поначалу и казался подавленным и заторможенным, то очень скоро разговор принял все тот же восхитительный накал, глубину, остроту...

А в ноябре Л. В. Чага, выражаясь юридическим языком, «при невыясненных обстоятельствах» упала с крутой голландской лестницы у себя в доме и разбилась. Перед этим, продолжая ссориться с преданными Николаю Ивановичу старыми друзьями— да и новых среди русских в Амстердаме оказалось не так уж мало,— она успела окружить себя более чем сомнительными персонами, в чьей безраздельной власти оказался после ее смерти Николай Иванович, вскоре окончательно слегший. Буквально через два дня после ее кончины они создали «фонд Харджиева», неограниченным распорядителем которого стал авантюрист, чьи действия голландские газеты определяли как уголовные, а самого его— как человека опасного и готового на все. Отзыв, который сам Николай Иванович дал своим благодетелям в последний мой к нему приезд в конце марта 1996 г., был вполне харджиевский: «чужие люди... и чем больше стараются понравиться, тем они неприятнее». Есть трагическая ирония в том, что мафия, которой Харджиев и Чага так боялись в Москве, настигла их именно в благополучном Амстердаме, а после смерти Чаги, вероятно насильственной, Николай Иванович попал в полную зависимость от авантюриста, своекорыстно распоряжавшегося его коллекциями, имуществом и даже жизнью. Через полгода после смерти Чаги не стало и Николая Ивановича. На поспешно организованных похоронах не было никого из старых друзей, узнавших о его кончине лишь тогда, когда все было кончено.

«Наследники» продали дом и оставшиеся картины, заработав на этом огромное состояние. Амстердамская часть архива, с которым они не знали что делать, осела в голландском Стеделийк-музее, и знакомясь с этим богатством спустя два года после ухода Харджиева, я снова и снова поражался этой адской кухне— плавильне замыслов, в которых, кажется, преломилась едва ли не вся русская культура двадцатого века...

Раздел I

**Памяти
Николая Ивановича Харджиева**

В. П. Григорьев

Москва

ПРОМЕР*

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный—
Эта слава другим не в пример.

«Стихи о неизвестном солдате»

К К 75-летию Крученых Феофан Бука, в миру известный как Николай Иванович Харджиев, составил альбом «Крученыхиада 2-ая» (1957—1961). В нем содержится автограф Н. Я. Берковского, начало которого процитируем: «Дорогой Алексей Елисеевич, (...) Вы и Ваши друзья смотрели на Пушкина как на живого соперника и Ваша живая ревность к нему была для Пушкина лучшей хвалой. С прошлым нужно состязаться и так сохранять его. Кажется, в этом одно из правил «будетлянства» (...)»¹.

В стихотворном поздравлении там же Н. И. Харджиев называет Крученых *языкодеем* и *звукарем*, *Звученых*, *Чертеных* и *Лученых*, использует такой «будетлянский» неологизм, как *злюни* (в ином значении и с иной структурой есть у Маяковского). В палиндромах С. Кирсанова находим строчки «Ментол глотнем?» и «Ала / водила вниз инвалидов / искать такси». А сам Крученых, выступая в ЦГАЛИ 18 декабря 1959 г. с воспоминаниями о Маяковском и футуристах, говорил о том, что в «Истории Москвы» (очевидно: М., тт. 1—6, 1952—1959) перечислены футуристические сборники и сказано, что в них печатались Бурлюк, Крученых, Хлебников «и др.». «Наконец-то и Маяковский,— иронизировал Крученых,— попал в «и др.»»².

Это — несколько арабесок из послевоенных лет, малоизвестные или неизвестные многим наслышанным о Н. И. Харджиеве как велимироведе и мандельштамоведе, друге А. А. Ахматовой и прочая и прочая, о нем как некоем «скандалисте» класса Е. Д. Поливанова, «критикане» не хуже В. В. Виноградова ((сполна получавшем при жизни всяких «сдач по поводу», а то и нападок без причин)), о *Легендаре*, что твой Крученых ((и как узнать теперь, после драматического скандала 1998 г., чем еще обогатил Н. И. фонды РГАЛИ?)).

* Статья была подготовлена по предложению М. Б. Мейлаха для сборника к 90-летию Н. И. Харджиева, теперь же посвящается памяти о нем. Но текст статьи потребовал ряда грустно естественных правок. Все они заключены в угловые скобки. Мелкие стилистические коррективы не отмечались.

Права он, разумеется, не (был) «лилейного». Зато «линейного» в нем (было) немало. Как и Хлебников (далее: Хл), Н. И. рано определил для себя две линии — две «осады» (среди других): Хл и Мандельштам (далее: ОМ). И подобно ОМ всю жизнь боролся, ради своих «осад», «за воздух прожиточный». Как Хл, он мог бы сказать о себе много раз: «Плетусь. Ученье мое давит мне плечи. / Проповедь немая: нет учеников»³. Но проповедь заговорила, учеников — прямых и косвенных — не счесть. Гены текстологии Харджиева в крови, в искусствоведческих хромосомах трех поколений российских и зарубежных ученых. Если все-таки удастся порой обнаружить у Н. И. текстологическую оплошность, чувствуешь себя подобно студенту, сдавшему трудный экзамен, потому что среда «ошибок Н. И.» может стоять десятков иных безусловных истин, насаждаемых оппонентом в среде корысти или недостойнства. Здесь хлебниковский «закон обратного величия малого» блестяще подтверждается всей деятельностью Н. И.⁴

Текстологическую планку велимироведения Н. И. сумел поднять на такую высоту, что не только стал в ряд крупнейших отечественных текстологов, но и сделал невозможным для уважающего себя велимироведа работать по-старому, по дохарджиевским меркам. Хотя... «Хоти невозможного», — провозглашал Хл в 1908 г. В 80-е годы наше хотение достигнуть тех же высот, что и «Неизданные произведения» Хл, подготовленные Н. И. (вместе с Т. С. Грицем) к 1940-ому году, еще напоминало вечную тяжбу желаемого с действительным. Но за пределами велимироведения, в 90-ые, оказалось же возможным довести уж такого «невозможного» Александра Введенского до самых высоких кондиций. «Все-таки добился своего, разбойник», — как Хл говорил о себе, открывшем «основной закон времени». Очередь за самим Велимиром в «полном» издательском объеме.

Если бы мой отец (знавший Давида Бурлюка и выставившийся с ним на уфимских вернисажах) не читал наизусть «Я смеярышня хохочеств» своему сыну, когда тот был еще совсем недоростком и «доумцем» (так что заушь, «Каждый молод, молод, молод...», с «животе» вместо «в животе», Пушкин, Маршак и «Вперила в перила...» казались вещами одной вечно счастливой панхронии), а затем не подарил мне в 1940 г. красный томик малой серии «Библиотеки поэта», и не прочитай я уже перед самой войной (с упоением) статью-некролог Маяковского, — наверное, гораздо позже и по-иному мне полюбилися бы Хл. Но в 46-ом такой же инвалид войны Володя Свешников, сын известного ученика П. В. Митурича и памятный «лучший друг на 21-ом году жизни», дарит пишущему эти строки том «Неизданных произведений», сработанный героическими усилиями Н. И. (НП, по всемирно известной аббревиатуре). И это в значительной степени определило жизнь.

В другом месте было показано, что у Хл больше, чем у кого-либо еще, прав на славный и спорный титул неизвестного солдата из таинственных стихов ОМ⁵.

Какими глазами велимировед Н. И. читал статью В. Циммерлинга «Промер»⁶, нетрудно представить. Использовано в заглавии слово-место, самое «подозри-

тельное» в «Стихах о неизвестном солдате» (далее: СоНС) по присутствию здесь Хл. Двигаясь от слова *промер* вверх и вниз в этом тексте и за его пределами в творчестве ОМ, можно было добраться и до реконструкции разговоров Хл и ОМ весной 1922 г. Что же касается Хл, то как было не восстановить в памяти следующий фрагмент из начала «Досок судьбы»?:

«Судьба Волги дает уроки судьбознанию.

День измерения русла Волги стал днем ее покорения, завоевания силой паруса и весла, сдач(и) Волги человеку. Промеры судьбы и изучение ее опасных мест должно сделать судьбоплавание настолько же легким и спокойным делом, насколько плавание по Волге стало легким и безопасным ремеслом после того, как сотни буйнов алыми и зелеными огнями отметили опасные места, камни, отмели и перекаты речного дна. Так же можно изучать трещины и сдвиги во времени. Подобные же промеры можно делать и для потока времени, строя законы завтрашнего дня, изучая русло будущих времен, исходя из уроков прошлых столетий и вооружая по способу судьбомерия разум новыми умственными очами в даль грядущих событий».

В самом деле, когда велимировед, уже давно интересующийся всем-то «хлебниковским» у ОМ, вдруг узнает о статье В. Циммерлинга, дух у него захватывает: что же сказано про слово, в душе, разговорах или печати им самим столько раз сопоставлявшееся с «Досками судьбы»? Но тут же следует вздох разочарования (или, если угодно, эгоцентрического облегчения). Нет, и на этот раз мандельштамоведение бьет мимо. Слово Хл и ОМ служит всего лишь славным заглавием.

«Звезда с звездой — могучий стык...» — сразу же после цитаты из ОМ В. Циммерлинг красиво (но верно) пишет: «есть (...) некая конstellляция господствующих на поэтическом небосклоне астральных тел»⁸. Однако эта «конstellляция» состоит из звезд, имеющих имена «Хл» и «ОМ», а не «Пушкин» и «Лермонтов», которые, тоже, конечно, присутствуя в едином и необычном небе и пространстве-времени «Грифельной оды», вместе с тем превосходно маскируют своих «двойников», создавая уже как бы «двойные звезды».

И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми.

Пресыщены и Хл, и ОМ, но второй — только не первым; если «всеми» — то уж кроме него. «Горящий мел» — это и *горящий* Хл, по воспоминаниям знавших Будетлянина, и полуполемический мел (из концовки «Ладомира»), которым можно теперь «накормить грифель» для «черновика»:

Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи (...)

Два любимца Н. И. — Хл и ОМ — сошлись на узкой временной дорожке в Москве весной 1922 г. О том, что это непосредственно значило для ОМ, свидетельст-

вуют (1) его статьи 1922—1923 гг., изобилующие высочайшими оценками Хл; (2) «Нашедший подкову» (значимое заглавие и верлибр!); (3) та же «Грифельная ода» (1923): Н. И. давно ощутил в ней воздействие «сложных смысловых ходов, отчасти идущих от Хлебникова»⁹. Но, кроме этих «ходов», существенно и прямое присутствие целостного **образа** Хл в обоих названных текстах ОМ: *друг морехода и отец путешествий* вместе с *досками* как бы указывают на «Еще раз, еще раз...» и «Доски судьбы». На Хл намекает связь *щепотки соли с небом*. Хл умер — и причина звука, преследующего ОМ, *исчезла*, но остается память о Зангези: не просто конь, а «пышущий жаром» иноходец. ОМ «врастает» в Хл или Хл — в ОМ, возникает своеобразный «кентавр» (т. е. отсылка к «Семеро»?), который признается: «То, что я сейчас говорю, говорю не я (...)» — и сознает: «(...) мне уж не хватает меня самого...» Те же аллюзии можно увидеть в эпиграфе (из Лермонтова) первоначальной редакции «Грифельной оды», а новый — не столь прямолинейный — эпиграф похож на отсылку к «Царапине по небу», сохраняя образ Хл как целое.

Не буду продолжать: Державин и Лермонтов маскируют Хл, который как будто вручает или завещает свою «лиру» ОМ. Детали — тоже см. в другом месте¹⁰. Во всяком случае, ученик «Ручья с холодной водой...» ощущает себя *двурушником*, хотя еще и не *корабельщиком*, но уже готовым сохранить опечатку, «совсем по орнитологу» Хл, ради усиления паронимии (*стрелет* вместо *трепет*).

В «Восьмистишиях» и в СоНС еще оставшиеся у ОМ колебания и опасения (и остающиеся; отсюда, отчасти, и маскировка) разрешаются в бесповоротный контрапункт, шифруемый здесь и далее уже главным образом по экстрапоэтическим причинам: среди близких ОМ один так углубился в Хл. Еще раньше, в свете предлагаемой гипотезы, по-новому звучало одно четверостишие ОМ, совсем недавно видевшего, как Хл шевелит губами:

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

(«Вершина» акмеизма?) И это далеко не все, что говорится о Хл у ОМ в 20-е годы.

Прибегая к просторечию, на первых порах хочется даже сказать, что поздний ОМ «набит» Хл; в ином стиле таких же гипербол — что переполнен или перенасыщен им. Пожалуй, более точным причастием будет *пронизан*, и эта пронизанность просто более очевидна в произведениях 1923 г., затем в «Восьмистишиях» и СоНС, а уже как бы через них — и во многих других «промежуточных» текстах, их редакциях и самых последних стихах ОМ.

Н. И. вспоминал слова Пастернака, обращенные к ОМ в конце 1932 г.: «Я завиду вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников. И такой же чужой»¹¹. Чут-

кость и искренность Пастернака поразительны. Они явно превосходят несколько ревнивое стремление Н. Я. Мандельштам убедить нас, что любить Хл и ОМ вместе нельзя — только врозь¹². Мандельштамоведы отнеслись к ее постулату все-таки с излишним доверием.

Образ Хл в «Восьмистишиях» крепнет, становится более значительным, глубоким и понятным именно в том смысле, какого сам Будетлянин никому другому при своей жизни так и не мог объяснить. *И я, — признается ОМ, — выхожу из пространства.* Куда? Разумеется, во «время», если еще и не в «государство времени», как (до него) некто уже вышел. *Величины* — это все же не «микрообъекты» (Ю. И. Левин), а «числа». *Голуботвердый глаз* — это глаз Хл, и Белый неоднократно по-своему чокался именно с ним (см. стихи на смерть Белого). *Шепот*, родившийся прежде губ, артикулируется Хл; он действительно появился до бобзоби. Это Хл, *чертежник и геометр*, сделал так, что его уже «полуученик» (свой!) *опыт из лепета лепит*, а сам *пьет лепет* из опыта чужого — опыта Хл. Что же касается предикатов к Шуберту, Моцарту, Гете и Гамлету, то они своей совокупностью вполне определенно рисуют его портрет или образ: пловца, странника, Пуму, и в самом деле «считавшего пульс толпы» и обожавшего птиц. Заключительный катрен «Восьмистиший» мог быть и непосредственно вдохновлен обложкой «Вестника В. Хлебникова» № 2 работы П. В. Митурича.

«Всероссийский требник-образник», каким ОМ еще недавно, в 1923 г., воспринимал своего «полуучителя», оказался теперь *задачником огромных корней*. (Надо было приступить к полуаналогу хлебниковского «разговора» 1912 г. «Учитель и ученик». «Восьмистишия» существенно совпадают и по времени написания со знаменитой эпиграммой ОМ на Сталина, и по замыслу — с «Одой» Сталину 1937 г., в которой под наружным портретом натурщика ОМ мастерски спрятал образ того же Хл, близнеца и отца.)

Перечитывая «всего ОМ глазами Хл», мы наталкиваемся и на такие вот «странные» (Пушкин) сближения-малости, как, например, строка ОМ «И в траве гадюка дышит / Мерой века золотой» (1922; (дата написания стих. «Век» близка к дню рождения Хл!)), напоминающая нам о Хл-натуралисте: «И первая гадюка выползла / На позолоченный пригорок» (и, возможно, об общем отклике поэтов на нэл. Уж не читал ли Хл в семье ОМ свое «Воет судьба улюлю!..»?).

ОМ умирал полубудетлянином, единственным в мировой культуре. Пока он и остается единственным полноправным собеседником — последователем Хл. Радость от чтения «глазами Хл» СоНС (и «Оды») — непередаваема.

«В заключение (вспоминая о *невеликописи* Хл) — невеликопубликация. Выбор текстов для нее определялся так: хотелось, во-первых, чтобы мы более отчетливо представили себе сам масштаб *промеров судьбы* (ушедшего от нас юбиляра), во-вторых, предложить еще ряд существенных образов из наследия Хл. Кроме одного фрагмента, это — материалы, прямо связанные с подготовкой

Будетлянином к печати рукописи «Досок судьбы» или с его работой над более ранними вариантами «законов времени».

«Мы разделяем точкой нашего «я» время на две половины. Они кажутся нам существенно различными. Но потомок все наше прошлое и часть нашего будущего (отнесет в прошлое) и будет изучать их как единый кусок явлений, а предок отнесет часть нашего прошлого в (будущее). Поэтому лучше отказаться от понятия(й) прошлого, настоящего, будущего как вредных для ясн(ости) мысли и считать настоящее время исходной точкой счета, прошлое — отрицательным ряд(ом), будущее — рядом положительным. (...) Поэтому нельзя говорить, что существуют причины и следствия. Будущее не менее действует на прошлое, чем обрат(но), но нуж(но) сказ(ать:) есть связь между тем и другим, между каждыми двумя точками времени». «Нужно (...) выдвинуть начало множествен(ности) времен. Уравнения часто состоят из частей разного возраста. Урав(нение) вр(емени) походит на ленту кино, где запечатлены разные времена одного и того же события»¹³.

«(...) было бы небесполезно найти что-то похожее на колоши для луж судьбы и непромокашки от косых капель ливня судьбы (...). Война есть грубое измерение ям, предвидение будущего — тонкое, изящное решение уравнений времени». «Цари в пыли с уздечкою в руке», вдруг сброшенные наземь. / И «рцы» покинуло изгнанником дворцы. «Большой советский день вне (шире) России 21 VI 1923». «29 I 1929 дни советской власти за пределами России. / 11 X 1962 опыт(:) советская власть земн(ого) шара»¹⁴.

«От Хрусталева до Ленина / 2 (в 12-ой степени) дней». «Зыбь повторных волн через 48 дней». «Война утонет в чернильнице писателя». «Ведь мир есть все, а ничто есть все с обратным знаком показателя (степени)»¹⁵.

«(...) не подымается ли все человечество, по закону рычага, если мы опускаем слишком высокие?»¹⁶

«Всем всегда все / Воля / Воля будетлянская». «Все точки мироруха связаны (между) собой и в(о) времени, и в пространстве. Это потому, что большие числа единым законом связаны с малыми числами, а люди и вещи находятся внутри больших чисел и обнимают собой малые числа»¹⁷.

«Все и есть зависимое переменное мирового времени»¹⁸.

«или = равенство»¹⁹.

«польза — выгоды общения, нельзя — запрет, невозможность»²⁰.

Множество важнейших или просто значительных и впечатляющих строк и образцов Хл остаются в архивохранилищах в рукописных набросках. Поэтому для Хл жанр «фрагмента» расширяется, в сравнении, скажем, с известными «фрагментами» Новалиса, до поэтического «рода» или «вида». Без особых текстологических и публикаторских претензий, а, как и выше, лишь для общего ознакомления, приведем здесь еще один фрагмент, извлеченный из набросков варианта знакомого многим стихотворения о голоде в Поволжье — «Волга! Волга!..» (1921)²¹. Он любопытен и тем, что в нем мы находим слово *беспредел*, однако в значении, совпадающем с сегодняшним лишь при умножении, так сказать, на оценочную «нет-единицу».

ТАЙНАЯ ОСЬ*

Николаю Ивановичу Харджиеву — 90 лет. Николай Иванович Харджиев (а для меня просто НИХ) — истинный уникам. Не тот уникам, на который сбегаются, дивясь и плясь, толпы зевак, а иной, сокровенный, как тайная ось, вокруг которой — таких единицы — десятилетиями незримо зиждуются поэзия, живопись, искусство: культура. Имею в виду, разумеется, культуру живую, в ее изменчивости и открытости, в ее улыбке и смехе сквозь слезы — одним словом, ту, что ничего общего не имеет с идолищами благопристойных «почитателей», с их возлюбленными саркофагами «наследствами», «памятниками» и проч. (не в обиду будь сказано отличным изданиям).

Это вовсе не значит, что НИХ, бесподобный, очаровательный, но и свирепый подчас собеседник, всю жизнь оставаясь в тени, не отметил своим именем ряд значительных книг и публикаций. Но для меня лично, обязанного бесконечно многим поэтической — как еще назвать? — дружбе с Н. И., его слуху и отзвуку, его близкому «самовозгоранию», в котором и влага чувствительности, и набегаящая слеза преобразуются в чистейший жар, — для меня важны не столь даже его литературная родословная, круг «младших формалистов», где какое-то время он вольно пребывал, его дружба и общение с Малевичем или Хармсом, Ахматовой или Татлиным, Суетиным или Крученых, Пуниным или Якобсоном, Мандельштамом или Тыняновым, Мирским или Берковским (список можно продолжать до бесконечности), его пронизательные статьи и наблюдения, его содружество с Трениным, а потом с Грицем, его первоклассный, огромную роль сыгравший том неизданного Хлебникова, долголетнему труду обязанная книга о поэтике Маяковского и живописи его поры, первое в России сводное издание Мандельштама (дорого НИХу стоившее), опубликованный на Западе сборник «К истории русского авангарда» (с ценнейшими материалами Малевича и Матюшина и словом Якобсона о Н. И.), повесть о Павле Федотове и многое иное, — сколько тот незаменимый Харджиев, с которым провел я несчитанные часы и которому спешил читать — первому — еще не остывшие строки.

Уникальны — нет им замены — умные, ценностные познания НИХа в русском искусстве двадцатого века. Да и не только в русском и не только уходящего сто-

* Опубликовано в «Литературной газете». 28. VII. 93. № 30 [5458]

летия. Много лет назад я пытался установить авторство весьма недурной марини, которая издавна висела у нас на Потаповском. Пошел сперва к Михаилу Владимировичу Алпатову. Он, как ни бился, сколько вещь ни разглядывал, ответить не мог. Н. И. взял лупу, разобрал трудночитаемую подпись художника и тотчас рассказал о нем (полузабытый французский живописец, одно время работавший при дворе в Петербурге). И это глубокий девятнадцатый век! Что же касается двадцатого, невозможно перечислить всех художников и пишущих о русском искусстве, которые прислушивались к Н. И. с его безошибочным пластическим чутьем и редчайшим пониманием живописности. (Иные склонны упрекать Харджиева в гиперкритицизме, при атрибуции в частности. Но мы-то знаем, сколько подделок гуляет нынче по миру, попадая подчас и в музеи.) Ставшая теперь легендарной выставка «Париж — Москва» — о том скажут французские ее устроители — в немалой степени (и в лучшей своей части) обязана советам и указаниям Н. И. Его авторитет в этой среде непоколебим и единствен.

Однако знание знанию рознь. Позавидовать должны те, кто никогда не слышал устных импровизаций и рассказов НИХа, его всегда образно неожиданных, каким-то наитием окрашенных суждений об Эль Греко, Чекрыгине или Мишо, о Державине, Аксакове или Нарбуте. Интимность и даже задушевность проникновения определяются вовсе не тем, что ты кого-то знал лично, пожимал ему руку, угадывал при общении или хотя бы при биографическом вживании его внутренний жест. Хармс для НИХа Даниил Иванович не столько потому, что он хорошо его знал, сколько по той самой причине, по какой Розанов и Ремизов, с которыми он знаком быть не мог, — «Василий Васильич» и «Алексей Михайлыч»: непременно! Это личное в сверхличном, эта задушевная интонационность восприятия в ответ на интонационность письма, вероятно, попросту недоступны строжайшим поборникам анонимности текста и безапелляционным отрицателям его авторства (с которыми соглашаться можно **лишь до известной степени**). Когда в какой-то осенний вечер я читал НИХу любимые «сны» из ремизовского «Временника 1917 года», когда мы надрывались от смеха до слез и до колик, разве не слушали мы сообща единственный, неповторимый голос, который и был «Алексей Михайлычем»?

А с другой стороны, **такой** Ремизов — где он: «слева» или «справа»? Поди угадай... Иные реставраторские (пусть кондовые, пусть «рафинированные») умы, обличающие катастрофический сейсмограф, каким явилось «левое», или «авангардное», искусство (разумеется, не всякое... да и термины эти давно устарели), за его «фрагментарность», «утопизм», «бесчеловечность», а главное, за исконную якобы, еще до 17-го, причастность к абсолютному злу большевизма, возмущаются сожигательством в одном любящем сердце Гоголя, Достоевского, Лескова («Чертовы куклы»!), Фета и Анненского, «положительного» будто бы Ремизова и тем паче Розанова с Ларионовым и Малевичем, с Велимиром, с «Небесными

верблюджатами» Гуро и «Человеком» Маяковского (я не уверен в отличие от Н. И., что он тут в **своем** ряду), с Введенским и Хармсом (отнюдь не «потешником-абсурдистом», каким часто его представляют: абсурд у поэзии **на побегушках**), да и с почти никем не читаемым «Золотом в лазури» Белого, со всеми забытым «темнейшим» Чурилиным и, наконец, с не менее подчас «темным» Пастернаком (как считают и по сию пору те, кто его **извиняет** позднейшей «неслыханной простотой»).

Что связывает столь разные имена? Одно скажу: не каша, не унылый эклектизм, какие царят в обличающих и негодующих умах. Харджиеву, всегда люто ненавидевшему террор (он произносит на английский манер: тэррор), потерявшему в нем столько родственных душ и, быть может, саму среду своего призвания, оправдываться не в чем. Трагизм еще и в том, что роль зачинщика, организатора, скрытого двигателя, нередко огромная по значению в художественной жизни XX века, не могла быть под страшным игом выполнена Харджиевым в том объеме, какой ему, по-видимому, предназначался.

Главное, однако, в другом. **Искусство предвестия**, его голосовой, интонационный сейсмограф продолжают работать, не стесненные хронологическими рамками «роковой минуты» и «безвременщины» (не говоря уже о так называемом «постмодернизме»: это — псевдоученое обозначение **нуля**). Велимиру Хлебникову и чистой Елене Гуро, «Апокалипсису нашего времени» и «Временнику» (он вошел потом во «Взвихренную Русь») — всем вместе — не в чем оправдываться перед судом сегодняшнего дня.

Пережитое, памятное, знакомое оживают в НИХе беспрестанно — и всегда заново, в меняющейся перспективе. Повторю еще раз: его знание не только фактографично, оно отборочно и оценочно. Оценочность предполагает критерий. Критерий же подразумевает внутреннюю иерархию, без которой — складывающейся незримо — нет ни истинной поэзии, ни пути, ею прокладываемого, ни полноценного ее прочтения. Надо ли говорить, что эта подвижная иерархия прямо противоположна ярмарке тщеславия, пустопорожней светской игре в «награды», «отличия», «премии» и т. п.? Много их, слишком много ловкачей и позеров, усердно играющих в эту игру (а еще больше — тех, кто готов к одурачиванию), и Харджиев разгадывает подобных шукарей запросто, буквально страдая от навязываемой поэзии лжи.

Что бы делала, как бы чувствовала себя поэзия, не останься у нее (а эта угроза существует теперь повсеместно) такого читателя, такого слуха и вслушиванья? Пушкинская тема **эха** с помрачением отражательности поэтической не исчезла, но, напротив, жива, как никогда. То, что поэзия по своей неизбывной, в языковой стихии теплящейся надежде **необходима** миллионам, — такой же трюизм, как и то, что по своей практической бесполезности и безнадежности она (это выяснилось и в России) **не нужна** почти никому. Непредвиденно и загадочно (как сам поэт) связующее звено между тем и другим: не критик, не исследователь поэзии,

но такой именно уникально отзвучный, бескорыстнейший ее читатель и слушатель (он может, конечно, быть и прекрасным критиком, и отличным ученым), каким является Николай Иванович Харджиев.

О бескорыстии я упомянул не случайно. Недаром НИХ так ценит рыцарское бессребреничество в любимых художниках и поэтах. Сам он прожил долгую жизнь, по его собственному выражению, как «китайский студент», — и это, думаю, именно потому, что она, его жизнь, если отбросить повседневную шелуху и тысячи привходящих обстоятельств, была и остается рыцарственным служением поэзии. С теми, кто Н. И. не любит или недолюбливает, кто укажет мне на его «недостатки», «слабости», «пороки», кто помянет недобрым словом его «характер» и вздумает сослаться на какие-то апокрифы, я не стану ни спорить, ни соглашаться — и не потому, что собственного суждения лишен, а по простой причине: психологией и мемуаристикой пусть занимаются другие. Вот если бы написать о харджиевской улыбке...

Однако, поскольку речь зашла о «характере», задам себе вслух вопрос, который мне самому кажется нелепым и тем не менее вертится в уме: ветрен ли Н. И.? Не только в смысле «семи пятниц на неделе», но и в каком-то, как некогда говаривали, «высшем смысле»? Отвечу так: НИХ, каким я видел его в те минуты, когда он **не себе принадлежит**, внутренне свободен, как «ветер-пение», как «нетерпение меча стать мячом». Хлебников, должно быть, знал — не в лицо, не по характеру и не по имени-отчеству, — для какого читателя писались эти строки... Другой поэт, Хармс — который **знал** и в лицо, и по имени, — подарил однажды НИХу Евангелие и в своей надписи обозначил его этими инициалами (оттуда когда-то и позаимствовал я сокращенное прозвище). Увидеть своего настоящего читателя или нет, повстречать его или никогда не встретить поэту при всем его небезразличии **в конечном счете** должно быть все равно. Но поэзия, даже в самые черные для нее времена, по-видимому, живет — если еще живет — знанием, что такой читатель где-то на свете есть или будет.

Вадим Козовой**ЗРЕЛОСТЬ**

Н. И. Харджиеву

Дом тела отдам на снос
лето и сохнут доски
на сердце пыль стрекоз
и крылышкопись в известке
кариатидами не удержать
ни альпийской рукой с пчелиным отливом
любовь и пусть в облака
голодом как ворон сильна
без корма!
так паутинкой и ей не страшны кружева —
их батистовое время вышло —
по тропе где едва-едва
седина крыши

1978

Из книги «Грозовая отсрочка»

ДОРОГУ!

Н. И. Х.

освободите люди дорогу
он будет выписывать над головами коленца
земля непутевая его не держит и пусть провалится в канаву с нечистотами
воздух вулканический ему нипочем и пусть расступается сея панику до горизонта
освободите ему поскорее дорогу среди патлатых облаков
столетние люди
он сейчас будет выдергивать им злополучные космы

1982

Из книги «Прочь от холма»

ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ
Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор Г. А. Мартынова
Корректор иноязычного текста М. М. Сокольская
Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном

Подписано в печать 10.04.2000. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл
Усл. п. л. 68,37. Заказ № 11

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this edition
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).